

смысле уродливые формы, демонстрирующие перерождение женщины, в котором усматриваются явные признаки её онтологического завершения, краха её бытийности.

Думается, в этом состоит еще один, возможно самый трагический урок социалистических революций, теоретически обоснованных марксизмом, которые освободили, раскрепостили женщину, предоставили ей полную свободу, которая в конечном итоге открывает перед женщиной историческую бездну ее завершения. Можно предположить, что Маркса вряд ли бы восхитила женщина-работница и активистка, одетая в кирзовые сапоги, кожаную тужурку, которая рьяно выступает на митинге, ратуя за светлое будущее в красной сатиновой косынке на голове. Не без сожаления можно констатировать, что если Маркс в свое время был убежден, что «сила женщины в ее слабости», то гримаса эмансипации и феминизации в том и заключается, что «слабость современной женщины в ее силе», что неизбежно для нее становится началом конца, ведущим к онтологическому завершению.

«ПРИЗРАКОЛОГИКА» И СУБЪЕКТ ИЗМЕНЕННОГО СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ

Вавилов Павел Сергеевич

аспирант кафедры истории, философии и культурологии

Казанского государственного института культуры,

email: pavlinblin@mail.ru

г. Казань,

Аннотация

В статье рассматриваются социальные и культурные условия функционирования дискурса измененного состояния сознания сквозь призму философско-культурологического осмысления понятия «призракология» Ж. Деррида в рамках «постструктурной антропологии» Э.В. де Кастру. В контексте постсекулярной ситуации бытия угнетенного субъекта измененного состояния сознания поднимается проблема социально-политической и антропологической трансформации и репрезентации маргинальных социокультурных практик, обретающих разнородную степень актуализации в момент социальных и культурных противоречий. Делается вывод о том, что не измененное состояние сознания людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их измененное состояние сознания.

Ключевые слова: измененное состояние сознания, субъект измененного состояния сознания, призрак, постсекулярное, призракология, постструктурная антропология, транс, идеология, дискурс, «пассажир без места».

HANTOLOGIE AND THE SUBJECT OF THE ALTERED STATES OF CONSCIOUSNESS

Vavilov P.S.

*post-graduate student of History, Culturology and Philosophy
department of Kazan State Institute of Culture and Arts,
e-mail: pavlinblin@mail.ru
Kazan*

Abstract

The article examines social and cultural conditions of functioning of the discourse of the altered state of consciousness through the prism of the philosophical and philosophical and cultural understanding of the concept of "hantologie" of J. Derrida within the framework of E. de Castro's "post-structural anthropology". In the context of the post-secular situation of being of the oppressed subject of the altered state of consciousness, the problem of socio-political and anthropological transformation and representation of marginal sociocultural practices that acquire a heterogeneous degree of actualization at a moment of social and cultural contradictions is raised. It is concluded that not the unaltered state of people's consciousness determines their being, but, on the contrary, their social being determines their altered state of consciousness.

Key words: altered state of consciousness, subject of the altered state of consciousness, ghost, post-secular, hantologie, poststructural anthropology, trance, ideology, discourse, "passenger without a place".

В современную постнеклассическую эпоху «рассимволизации Абсолюта» [1] актуальность философско-культурологического исследования феномена измененного состояния сознания (далее ИСС) и его носителя-обладателя, т. н. субъекта ИСС, особенно актуально в постсекулярной ситуации. Ранее этот феномен находил воплощение в культурных практиках, таких как экстатические состояния шаманов, культовые и религиозные обряды, направленных на постижение трансцендентного порядка.

Но с конца XIX века ИСС как феномен культуры претерпевал (и претерпевает до сих пор) социально-культурные, политические, этические и религиозные трансформации. По словам исследователя П.А. Гордеева, понятие ИСС «может объединять различные, не имеющие ничего общего состояния, и при этом включать новые, обусловленные современными культурно-историческими обстоятельствами» [3, с. 44]. Нельзя не отметить, что на сегодня феномен ИСС в общественном сознании соотносится с психоделическими переживаниями, продуцированными приемом психоактивных веществ.

Ответственным лицом той или иной «маргинальной» деятельности является и остается субъект ИСС, мерцающий на пограничной территории рационального и иррационального, нормального и ненормального. В наше беспокойное время этот субъект попадает в социально-клиническую категорию больных, отверженных, маргиналов и/или угнетенных, которые, по словам К. Маркса, «не могут представлять себя сами, их должны представлять другие» [9, с. 208]. Этот тип современного «мерцающего» субъекта представляет собой не что иное, как некий призрак постсекулярного времени, где происходит «секуляризация секуляризма» [8, с. 105]. Иными словами, субъект есть, а с другой стороны, его уже нет. Несмотря на эту парадоксальность, производный дискурс ИСС, претендуя на воображаемое подобие трансгрессии, несет специфический культурный след субъективности и репрезентируется в различных практиках повседневности, литературе, искусстве и т. д.

В специфике репрезентации опыта ИСС важно учесть проблему социальной и биополитической организации практик, направленных на продуцировании ИСС, будь это сон, лихорадочное, молитвенное или экстатическое состояния, вплоть до радикальных девиантно-маргинальных состояний наркотического (алкогольного, психоделического и пр.) опьянения. Учитывая, что сфера производства и природные условия участвуют в организации практической деятельности субъекта, то популярные фармакологические средства «экспресс»-достижения ИСС включены в общую капиталистическую экономику и выступают как товар, продающийся «по рецепту» как в аптеках, так и на черных рынках наркоторговцев и пр. По меткому афоризму американского комика, «кокаин – это всего лишь способ природы передать тебе, что у тебя слишком много денег» [15, с. 13].

Небезызвестно высказывание К. Маркса о тождестве религии и опиуме. Однако последний рассматривался в ту эпоху не как нарко-

тическое, а как успокоительное средство. Одним из фармацевтических воплощений оно выступило в качестве «успокоительного сиропа миссис Уинслоу», предназначенного для умирения беспокойных детей и кричащих младенцев. Сироп можно было приобрести в Америке до 1911 г., а в Великобритании вплоть до 1930 г. [2, с. 42]. Тем не менее, несмотря на социальную и политическую регламентацию применения успокоительного на основе психоактивного вещества, главным образом, проблема заключается в означивании политического вопроса легитимности всех изменяющих сознание веществ. Поэтому в вышеупомянутом выражении Маркса следует обратить внимание на актуальность сопоставления религии и (пока еще не) наркотического вещества, которое, по сути, является товаром, *par excellence*, но товаром с весьма мистическим прошлым (Парацельс). С одной стороны, связка «опиум и религия» образует оппозицию между природой и культурой, а с другой стороны, эта оппозиция задана культурой письма и политическим дискурсом конца XIX в. Напомним, что К. Маркс резко отзывался о британской колониальной внешней политике и торговле опиумом, которые привели к развязыванию военных конфликтов между Англией и Китаем (в 1840–1842 г.; 1856–1860 г.), получивших название «Опиумные войны» [12]. Таким образом, любое наркотическое вещество имеет не столько ритуально-сакральную, сколько идеологическо-товарную форму. Но правомерно ли сейчас заявлять, что опиум (или его фармакологические заместители) есть религия для народа?

Философ «различания» Ж. Деррида в работе «Призраки Маркса» обращает внимание на «мистический характер товара» и «мистической товарной формы», которые участвуют в непрерывном кругообороте «товар-деньги-товар». Французский мыслитель использует неологизм *hantologie* (от англ. *haunt* – призрак, *ontology* – бытие), которое в русском переводе обозначен как «призракология». Если по словам Деррида, онтология – это своего рода заклинание, изгоняющее бесов [6, с. 225], то призракология должна обозначить перформативную интерпретацию (деконструкцию) и обналичить эффект мерцания присутствия в режиме ожидания конца истории, коммунизма. Как он отмечает в тексте «Маркс и сыновья» «деконструктивисткая» призракология необходима «для того, чтобы понять процессы и следствия, условно скажем, метафизикализации, идеализации, идеологизации и фетишизации» [5, с. 61], а идеология, по меткому выражению Деррида, это «сказка о призраке» [5, с. 13].

В ожидании отсутствующего присутствия разворачивается социальная полемика вокруг темы мессианства, где «мессианское трепещет на пороге события» [6, с. 235]. Призрачную избыточность и бессилие марксизма, по логике дерридианской деконструкции «онто-тео-телео-фалло-фоно-логоцентризма», можно рискнуть представить через делезианское прочтение Кэррола и Лакана. Философ Ж. Делез отмечает структурный парадокс в образовании серии событий, когда означающее («всегда сверхштатный и всегда перемещающийся» «пассажир без места») смещено по отношению к означаемому («место без пассажира»). «Парадоксальная инстанция никогда не бывает там, где мы ее ищем. И наоборот, мы никогда не находим ее там, где она есть» [4, с. 65]. Эту ситуацию иллюстрирует знакомая многим тревога или смятение. Например, человек в вагоне метро или в другом *общественном* транспорте стоит рядом с пассажирским местом и не решается сесть. Можно предположить, что как раз здесь и появляется призрак, «мы чувствуем, что он наблюдает, а иногда и следит за нами до возможного появления. <...> Он наносит нам визит» [6, с. 148]. Иначе говоря, что-то или кто-то *позволяет не позволять* субъекту совершить маленькое или большое событие.

Для того чтобы прояснить вышестоящий момент, вернемся к субъекту ИСС. Для начала отметим, что с точки зрения постструктурной антропологии (Э.В. де Кастру), «люди в нормальных условиях видят людей в качестве людей, а животных – в качестве животных; что касается духов, если эти существа, обычно невидимые, становятся видны, это верное указание на то, что «условия» ненормальны (болезнь, транс или какие-то другие измененные состояния)» [7, с. 43]. Учитывая антропологические условия видимости духов, отметим небольшой эпизод из этнографических наблюдений антрополога Б. Малиновского за туземцами на Тробрианских островах. Исследователь описывает случай произошедшего «кратковременного транса» у мужчины, который общался с духами умерших, – балома [10, с. 163]. Задавая вопрос о том, как выглядит балома, туземцы отвечают, что они есть «просто что-то похожее на отражение» [10, с. 165]. Антрополог услышал, как находящийся в трансе туземец на «повышенных тонах» проговаривал обвинительный монолог в адрес балома. Как оказалось, туземцы традиционно справляли ритуальное лодочное состязание, к которому была приурочена раздача пищи – сагали. Прямым ответственным лицом и организатором мероприятия находился вождь племени. Балома следили как за организацией мероприятия, так и за

наполнением праздничной пищи. Но в этот раз сагали не оправдали ожидания балома, то есть праздничное приношение еды было довольно скудным. Кто виноват? В любом случае вина ложится на вождя.

Что касается сущности проявления транса у жителей Тробрианских островов, то, по словам антрополога, ему невозможно даже «приблизительно определить психологическую или психопатологическую основу таких явлений» [10, с. 163]. Но что замечаем мы в эпизоде с кратковременным трансом и общением с духами умерших у туземца? Мы наблюдаем здесь не то, что граничит с трансцендентным миром духов, а воображаемую и символическую идентификацию с вождем через агента переноса, т. н. балома.

Латентная идентификация в формате дискурса ИСС (транс) означает воображаемое снятие ответственности с вождя и субъект берет вину на себя. Для чего? Во-первых, чтобы уберечь вождя от (стоит отметить, справедливого) наказания духами. Во-вторых, как ни парадоксально, для того, чтобы обругать вождя за его проступок. Воображаемая инсценировка публичного самоистязания репрезентирует амбивалентность сакрального. Балома в этом случае представляют собой возможность символического замещения и разрешения конфликтных социальных ситуаций. Говоря психоаналитическим языком, происходит процесс интериоризации в рамках функционирования инстанции Сверх-Я. Как справедливо подмечает исследователь Ю.А. Разинов, «социальный фантазм – это такой агент переноса, который экранирует для субъекта факт его личной несостоятельности в рамках несостоятельности всего общественного целого» [13, с. 39]. Поэтому, можно переформулировать известный марксистский тезис, заявив, что не измененное состояние сознания людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их измененное состояние сознания.

Как мы выяснили, инстанция морали и совести (Сверх-Я) инкорпорированы в мифологизированных персонажах потустороннего мира. Если по словам Ж. Лакана, Боги – это «более или менее устойчивые воплощения большого Другого» [9, с. 138], то с ними, как и с призраками, всегда можно договориться. В этом аспекте следует привести интересную «интерпретацию веры» 72-летней женщины (бывшей учительницы русского языка и литературы) из Ивановской области РФ: «Я с богом говорю на гражданском языке когда мне нужно, только, если честно то, как сказать, он меня наверное уважает» [14, с. 40]. Учитывая реалии постсекулярной ситуации «вечного

возвращения» религиозного, следует задаться следующим вопросом: на каком же языке будет разговаривать с богом (духами, призраками и т. д.) эта уважаемая женщина, если она впадет в транс или подвергнется альтернативным состояниям сознания?

Подводя итоги, отметим, во-первых, что дерридианская «призракология» как особая призма философско-культурологической экспликации феномена ИСС способна подвергнуть деконструкции любую рефлексию опыта ИСС. Такой ракурс выявления стратегии репрезентаций субъекта ИСС способствовал пониманию функционирования дискурса измененного состояния сознания в современной постсекулярной ситуации. Во-вторых, неестественные и маргинальные средства индукции в ИСС, которые в современной социально-политической и правовой обстановке «везде и нигде» одновременно, определены нами через товарную форму продукта, чья рыночная стоимость всегда уравнивается идеологическо-мистическим образом.

В-третьих, если одной из антропологических характеристик человека является перманентное нахождение в состоянии ожидания некоего события, призрака прошлого, то измененные состояния сознания для субъекта представляют собой особый плацдарм, на который можно спроецировать, но не всегда разрешить, конфликты социального и культурного взаимодействия. В тени этой «реальности виртуального» субъект будет использовать все средства и способы, чтобы встретиться с неизвестным известным. Есть же люди, которые находятся в поиске свидетельств каких-либо паранормальных явлений (призраков, полтергейстов, духов и т. п.). Но далеко за потусторонним ходить не нужно, так как «паранормальное» всегда с нами рядом, благодаря функционированию этого паранормального означающего в регистре культурного поля.

Человеку необходимо перестать откапывать тень прошлого и искать для этого радикальные средства и приемы, какими бы многообещающими они ни казались. Важно понимать, что облакаемые в мистическую товарную форму, они всецело включены в экономику потребления и поэтому подвержены процессам метафизикализации, идеализации, идеологизации и фетишизации. «Не религия как опиум для народа, а наркотики как религия для атеистов-поэтов – и некоторых других, более или менее атеистов, более или менее поэтов» [16, р. 1].

Литература

1. *Аксенов Г.П.* Рассимволизация Абсолюта / Л.И. Аксенов // Вопросы философии. – 2015. – № 8. – С. 53–56.
2. *Дейвенпорт-Хайнс Р.* В поисках забвения. Всемирная история наркотиков. 1500–2000 / Р. Дейвенпорт-Хайнс. – М.: АСТ, 2004. – 624 с.
3. *Гордеев П.А.* Логика измененных состояний сознания // Человеческий фактор: социальный психолог. – 2017. – № 2 (34). – С. 42–52.
4. *Делез Ж.* Логика смысла. – Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.
5. *Деррида Ж.* Маркс & Сыновья. – Пер. с франц. / перевод Дмитрия Новикова. – М.: Logos-altera, 2006. – 104 с.
6. *Деррида Ж.* Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал. Пер. с франц. / перевод Б. Скуратова. Под общей редакцией Д. Новикова. – М.: Logos-altera, 2006. – 256 с.
7. *Кастру де Э.В.* Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии / Э.В. де Кастру. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 404 с.
8. *Кырлежев А.* Постсекулярное: краткая интерпретация // Логос. – 2011. – № 3 (82). – С. 100–106.
9. *Лакан Ж.* Еще / Ж. Лакан // Семинары: Книга XX. – М.: Гнозис; Логос, 2011. – 175 с.
10. *Малиновский Б.* Магия, наука и религия / Б. Малиновский // пер. с англ. – М.: Рефл-бук, 1998. – 304 с.
11. *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи-Бонапарта // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Политиздат, 1957. – Т. 8. – 689 с.
12. *Маркс К.* История торговли опиумом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12., – М., 1958. – С. 564–571.
13. *Разинов Ю.А.* Я как объективная ошибка / Ю.А. Разинов. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. – 250 с.
14. *Рогозин Д.* От чужака к прихожанину, или Религиозная идентичность старшего поколения ивановцев // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2013. – № 1. – С. 226–227.
15. *Уилсон Р.А.* Секс, магия и психоделия / Р.А. Уилсон. – М.: Клуб Капсталя, 2017. – 276 с.
16. *Derrida J.* The Rhetoric of Drugs: an interview, differences // A Journal of Feminist Cultural Studies. – 1993. – Vol. 5. – P. 1–25.